

—ВСОШ!

ЛИТЕРАТУРА
ВСЕРОССИЙСКАЯ
ОЛИМПИАДА
ШКОЛЬНИКОВ

ШИФР

--	--	--	--	--	--

2021-2022 уч.год

**Муниципальный этап ВсОШ 2021
по предмету «Литература»**

Фамилия, имя, отчество полностью:

Число, месяц, год рождения (ДД.ММ.ГГГГ):

Класс учащегося:

За какой класс учащийся пишет работу:

Полное название образовательной организации:

Название района или города:

ФИО педагогического работника, подготовившего к олимпиаде

ВСЕРОССИЙСКАЯ ОЛИМПИАДА ШКОЛЬНИКОВ ПО ЛИТЕРАТУРЕ

МУНИЦИПАЛЬНЫЙ ЭТАП

9 класс

Уважаемый участник олимпиады!

Вам предстоит выполнить задания олимпиады. Время выполнения заданий – 6 академических часов (270 минут).

Выполнение письменных заданий целесообразно организовать следующим образом:

- не спеша, внимательно прочитайте задания и тексты;
- обдумайте и сформулируйте ваш ответ;
- не забывайте, что единственно верного ответа нет – важнее, чтобы ответ соответствовал заданию и критериям, опирался на анализ художественного текста, знание литературного материала и терминологии, а ваша точка зрения была убедительной и аргументированной;
- после выполнения всех предложенных заданий обязательно проверьте свою работу.

Максимальное количество баллов за всю работу – **120 баллов**.

Первый тур

Аналитическое задание

В первом туре Вам предлагается выполнить аналитическое задание, то есть провести **целостный анализ прозаического** или **поэтического** текста (на Ваш выбор).

Паустовский К.Г.

Снег

Старик Потапов умер через месяц после того, как Татьяна Петровна поселилась у него в доме. Татьяна Петровна осталась одна с дочерью Варей и старухой нянькой. Маленький дом – всего в три комнаты – стоял на горе, над северной рекой, на самом выезде из городка. За домом, за облетевшим садом, белела березовая роща. В ней с утра до сумерек кричали галки, носились тучами над голыми вершинами, накликали ненастье.

Татьяна Петровна долго не могла привыкнуть после Москвы к пустынному городку, к его домишкам, скрипучим калиткам, к глухим вечерам, когда было слышно, как потрескивает в керосиновой лампе огонь.

“Какая я дура! – думала Татьяна Петровна. – Зачем уехала из Москвы, бросила театр, друзей! Надо было отвезти Варю к няньке в Пушкино – там не было никаких налетов, – а самой остаться в Москве. Боже мой, какая я дура!” Но возвращаться в Москву было уже нельзя. Татьяна Петровна решила выступать в лазаретах – их было несколько в городке – и успокоилась. Городок начал ей даже нравиться, особенно когда пришла зима и завалила его снегом. Дни стояли мягкие, серые. Река долго не замерзала; от ее зеленой воды поднимался пар. Татьяна Петровна привыкла и к городку, и к чужому дому. Привыкла к расстроенному роялю, к пожелтевшим фотографиям на стенах, изображавшим неуклюжие броненосцы береговой обороны. Старик Потапов был в прошлом корабельным механиком. На его письменном столе с выцветшим зеленым сукном стояла модель крейсера “Громобой”, на котором он плавал. Варе не позволяли трогать эту модель. И вообще не позволяли ничего трогать. Татьяна Петровна знала, что у Потапова остался сын моряк, что он сейчас в Черноморском флоте. На столе рядом с моделью крейсера стояла его карточка. Иногда Татьяна Петровна брала ее, рассматривала и, нахмутив тонкие брови, задумывалась. Ей все казалось, что она где-то его встречала, но очень давно, еще до своего неудачного замужества. Но где? И когда? Моряк смотрел на нее спокойными, чуть насмешливыми глазами, будто спрашивал: “Ну что ж? Неужели вы так и не припомните, где мы встречались?”.

- Нет, не помню, – тихо отвечала Татьяна Петровна.
- Мама, с кем ты разговариваешь? – кричала из соседней комнаты Варя.
- С роялем, – смеялась в ответ Татьяна Петровна.

Среди зимы начали приходиться письма на имя Потапова, написанные одной и той же рукой. Татьяна Петровна складывала их на письменном столе. Однажды ночью она проснулась. Снега тускло светили в окна. На диване всхрапывал серый кот Архип, оставшийся в наследство от Потапова. Татьяна Петровна накинула халат, пошла в кабинет к Потапову, постояла у окна. С дерева беззвучно сорвалась птица, стряхнула снег. Он долго сыпал белой пылью, запорошил стекла. Татьяна Петровна зажгла свечу на столе, села в кресло, долго смотрела на язычок огня, – он даже не вздрагивал. Потом она осторожно взяла одно из писем, распечатала и, оглянувшись, начала читать. “Милый мой старик, – читала Татьяна Петровна, – вот уже месяц, как я лежу в госпитале. Рана не очень тяжелая. И вообще она заживает. Ради бога, не волнуйся и не кури папиросу за папиросой. Умоляю!”

“Я часто вспоминаю тебя, папа, – читала дальше Татьяна Петровна, – и наш дом, и наш городок. Все это страшно далеко, как будто на краю света. Я закрываю глаза и тогда вижу: вот я отворяю калитку, вхожу в сад. Зима, снег, но дорожка к старой беседке над обрывом расчищена, а кусты сирени все в инее. В комнатах трещат печи. Пахнет березовым дымом. Рояль, наконец, настроен, и ты вставил в подсвечники витые желтые свечи – те, что я привез из Ленинграда. И те же ноты лежат на рояле: увертюра к “Пиковой даме” и романс “Для берегов отчизны дальней”. Звонит ли колокольчик у дверей? Я так и не успел его починить. Неужели я все это увижу опять? Неужели опять буду умываться с дороги нашей колодезной водой из кувшина? Помнишь? Эх, если бы ты знал, как я полюбил все это отсюда, издали! Ты не удивляйся, но я говорю тебе совершенно серьезно: я вспоминал об этом в самые страшные минуты боя. Я знал, что защищаю не только всю страну, но и вот этот ее маленький и самый милый для меня уголок – и тебя, и наш сад, и вихрастых наших мальчишек, и березовые рощи за рекой, и даже кота Архипа. Пожалуйста, не смейся и не качай головой. Может быть, когда выпишусь из госпиталя, меня отпустят ненадолго домой. Не знаю. Но лучше не жди”.

Татьяна Петровна долго сидела у стола, смотрела широко открытыми глазами за окно, где в густой синеве начинался рассвет, думала, что вот со дня на день может приехать с фронта в этот дом незнакомый человек и ему будет тяжело встретить здесь чужих людей и увидеть все совсем не таким, каким он хотел бы увидеть. Утром Татьяна Петровна сказала Варе, чтобы она взяла деревянную лопату и расчистила дорожку к беседке над обрывом. Беседка была совсем ветхая. Деревянные ее колонки поседел, заросли лишаями. А сама Татьяна Петровна исправила колокольчик над дверью. На нем была отлита смешная надпись: “Я вишу у дверей – звони веселей!” Татьяна Петровна тронула колокольчик. Он зазвенел высоким голосом. Кот Архип недовольно задергал ушами, обиделся, ушел из прихожей – веселый звон колокольчика казался ему, очевидно, нахальным. Днем Татьяна Петровна, румяная, шумная, с потемневшими от волнения глазами, привела из города старика настройщика, обрусевшего чеха, занимавшегося починкой примусов, керосинок,

кукол, гармоник и настройкой роялей. Фамилия у настройщика была очень смешная: Невидаль. Чех, настроив рояль, сказал, что рояль старый, но очень хороший. Татьяна Петровна и без него это знала. Когда он ушел, Татьяна Петровна осторожно заглянула во все ящики письменного стола и нашла пачку витых толстых свечей. Она вставила их в подсвечники на рояле. Вечером она зажгла свечи, села к роялю, и дом наполнился звоном. Когда Татьяна Петровна перестала играть и погасила свечи, в комнатах запахло сладким дымом, как бывает на елке. Варя не выдержала.

— Зачем ты трогаешь чужие вещи? – сказала она Татьяне Петровне. – Мне не позволяешь, а сама трогаешь. И колокольчик, и свечи, и рояль – все трогаешь. И чужие ноты на рояль положила.

— Потому что я взрослая, – ответила Татьяна Петровна. Варя, насупившись, недоверчиво взглянула на нее. Сейчас Татьяна Петровна меньше всего походила на взрослую. Она вся как будто светилась и была больше похожа на ту девушку с золотыми волосами, которая потеряла хрустальную туфлю во дворце. Об этой девушке Татьяна Петровна сама рассказывала Варя. Еще в поезде лейтенант Николай Потапов высчитал, что у отца ему придется пробыть не больше суток. Отпуск был очень короткий, и дорога отнимала все время. Поезд пришел в городок днем. Тут же, на вокзале, от знакомого начальника станции лейтенант узнал, что отец его умер месяц назад и что в их доме поселилась с дочерью молодая певица из Москвы.

— Эвакуированная, – сказал начальник станции. Потапов молчал, смотрел за окно, где бежали с чайниками пассажиры в ватниках, в валенках. Голова у него кружилась.

— Да, – сказал начальник станции, – хорошей души был человек. Так и не довелось ему повидать сына.

— Когда обратный поезд? – спросил Потапов.

— Ночью, в пять часов, – ответил начальник станции, помолчал, потом добавил: – Вы у меня перебудьте. Старуха моя вас напоит чайком, накормит. Домой вам идти незачем.

— Спасибо, – ответил Потапов и вышел. Начальник посмотрел ему вслед, покачал головой. Потапов прошел через город, к реке. Над ней висело сизое небо. Между небом и землей наискось летел редкий снежок. По унавоженной дороге ходили галки. Темнело. Ветер дул с того берега, из лесов, выдувал из глаз слезы.

“Ну что ж! – сказал Потапов – Опоздал. И теперь это все для меня будто чужое – и городок этот, и река, и дом”. Он оглянулся, посмотрел на обрыв за городом. Там стоял в инее сад, темнел дом. Из трубы его поднимался дым. Ветер уносил дым в березовую рощу. Потапов медленно пошел в сторону дома. Он решил в дом не заходить, а только пройти мимо, быть может заглянуть в сад, постоять в старой беседке. Мысль о том, что в отцовском доме живут чужие, равнодушные люди, была невыносима. Лучше ничего не видеть, не растревлять себе сердце, уехать и забыть о прошлом! “Ну что же, – подумал Потапов, – с каждым днем делаешься взрослее, все строже смотришь вокруг”. Потапов подошел к дому в сумерки. Он осторожно открыл калитку, но все же она скрипнула. Сад

как бы вздрогнул. С веток сорвался снег, зашуршал. Потапов оглянулся. К беседке вела расчищенная в снегу дорожка. Потапов прошел в беседку, положил руки на старенькие перила. Вдали, за лесом, мутно розовело небо – должно быть, за облаками подымалась луна. Потапов снял фуражку, провел рукой по волосам. Было очень тихо, только внизу, под горой, бренчали пустыми ведрами женщины – шли к проруби за водой. Потапов облокотился о перила, тихо сказал:

— Как же это так?

Кто-то осторожно тронул Потапова за плечо. Он` оглянулся. Позади него стояла молодая женщина с бледным строгим лицом, в накинутом на голову теплом платке. Она молча смотрела на Потапова темными внимательными глазами. На ее ресницах и щеках таял снег, осыпавшийся, должно быть, с веток.

— Наденьте фуражку, – тихо сказала женщина, - вы простудитесь. И пойдете в дом. Не надо здесь стоять. Потапов молчал. Женщина взяла его за рукав и повела по расчищенной дорожке. Около крыльца Потапов остановился. Судорога сжала ему горло, он не мог вздохнуть. Женщина так же тихо сказала:

— Это ничего. И вы, пожалуйста, меня не стесняйтесь. Сейчас это пройдет.

Она постучала ногами, чтобы сбить снег с ботишков. Тотчас в сенях отозвался, зазвенел колокольчик. Потапов глубоко вздохнул, перевел дыхание. Он вошел в дом, что-то смущенно бормоча, снял в прихожей шинель, почувствовал слабый запах березового дыма и увидел Архипа. Архип сидел на диване и зевал. Около дивана стояла девочка с косичками и радостными глазами смотрела на Потапова, но не на его лицо, а на золотые нашивки на рукаве.

— Пойдемте! – сказала Татьяна Петровна и провела Потапова в кухню. Там в кувшине стояла холодная колодезная вода, висело знакомое льняное полотенце с вышитыми дубовыми листьями. Татьяна Петровна вышла. Девочка принесла Потапову мыло и смотрела, как он мылся, сняв китель. Смущение Потапова еще не прошло.

— Кто же твоя мама? – спросил он девочку и покраснел. Вопрос этот он задал, лишь бы что-нибудь спросить.

— Она думает, что она взрослая, – таинственно прошептала девочка. – А она совсем не взрослая. Она хуже девочка, чем я.

— Почему? – спросил Потапов. Но девочка не ответила, засмеялась и выбежала из кухни. Потапов весь вечер не мог избавиться от странного ощущения, будто он живет в легком, но очень прочном сне. Все в доме было таким, каким он хотел его видеть. Те же ноты лежали на рояле, те же витые свечи горели, потрескивая, и освещали маленький отцовский кабинет. Даже на столе лежали его письма из госпиталя – лежали под тем же старым компасом, под который отец всегда клал письма. После чая Татьяна Петровна провела Потапова на могилу отца, за рощу. Туманная луна поднялась уже высоко. В ее свете слабо светились березы, бросали на снег легкие тени. А потом, поздним вечером,

Татьяна Петровна, сидя у рояля и осторожно перебирая клавиши, обернулась к Потапову и сказала:

— Мне все кажется, что где-то я уже видела вас.

— Да, пожалуй, – ответил Потапов. Он посмотрел на нее. Свет свечей падал сбоку, освещал половину ее лица. Потапов встал, прошел по комнате из угла в угол, остановился.

— Нет, не могу припомнить, – сказал он глухим голосом. Татьяна Петровна обернулась, испуганно посмотрела на Потапова, но ничего не ответила. Потапову постелили в кабинете на диване, но он не мог уснуть. Каждая минута в этом доме казалась ему драгоценной, и он не хотел терять ее. Он лежал, прислушивался к воровским шагам Архипа, к дребезжанию часов, к шепоту Татьяны Петровны, – она о чем-то говорила с нянькой за закрытой дверью. Потом голоса затихли, нянька ушла, но полоска света под дверью не погасла. Потапов слышал, как шелестят страницы, – Татьяна Петровна, должно быть, читала. Потапов догадывался: она не ложится, чтобы разбудить его к поезду. Ему хотелось сказать ей, что он тоже не спит, но он не решился окликнуть Татьяну Петровну. В четыре часа Татьяна Петровна тихо открыла дверь и позвала Потапова. Он зашевелился.

— Пора, вам надо вставать, – сказала она. – Очень жалко мне вас будить!

Татьяна Петровна проводила Потапова на станцию через ночной город. После второго звонка они попрощались. Татьяна Петровна протянула Потапову обе руки, сказала:

— Пишите. Мы теперь как родственники. Правда? Потапов ничего не ответил, только кивнул головой. Через несколько дней Татьяна Петровна получила от Потапова письмо с дороги.

“Я вспомнил, конечно, где мы встречались, – писал Потапов, – но не хотел говорить вам об этом там, дома. Помните Крым в двадцать седьмом году Осень. Старые платаны в Ливадийском парке. Меркнущее небо, бледное море. Я шел по тропе в Ореанду. На скамейке около тропы сидела девушка. Ей было, должно быть, лет шестнадцать. Она увидела меня, встала и пошла навстречу. Когда мы поравнялись, я взглянул на нее. Она прошла мимо меня быстро, легко, держа в руке раскрытую книгу. Я остановился, долго смотрел ей вслед. Этой девушкой были вы. Я не мог ошибиться. Я смотрел вам вслед и почувствовал тогда, что мимо меня прошла женщина, которая могла бы и разрушить всю мою жизнь, и дать мне огромное счастье. Я понял, что могу полюбить эту женщину до полного отречения от себя. Тогда я уже знал, что должен найти вас, чего бы это ни стоило. Так я думал тогда, но все же не двинулся с места. Почему – не знаю. С тех пор я полюбил Крым и эту тропу, где я видел вас только мгновение и потерял навсегда. Но жизнь оказалась милостивой ко мне, я встретил вас. И если все закончится хорошо и вам понадобится моя жизнь, она, конечно, будет ваша. Да, я нашел на столе у отца свое распечатанное письмо. Я понял все и могу только благодарить вас издали”.

Татьяна Петровна отложила письмо, туманными глазами посмотрела на снежный сад за окном, сказала.

— Боже мой, я никогда не была в Крыму! Никогда! Но разве теперь это может иметь хоть какое-нибудь значение И стоит ли разуверять его? И себя! Она засмеялась, закрыла глаза ладонью. За окном горел, никак не мог погаснуть неяркий закат.

Выполняя целостный анализ произведения К.Г. Паустовского, обратите внимание на следующие особенности содержания и художественной формы: сильные позиции текста (заглавие и финал); роль пейзажа в произведении; речь героев; выразительные детали; мотив писем и музыки; место и время события. Ваша работа должна представлять собой цельный, связный, завершённый текст.

Кушнер А.С.

Сирень

Фиолетовой, белой, лиловой,
Ледяной, голубой, бестолковой
Перед взором предстанет сирень.
Летний полдень разбит на осколки,
Острых листьев блестят треуголки,
И, как облако, стелется тень.

Сколько свежести в ветви тяжелой,
Как стараются важные пчелы,
Допотопная блещет краса!
Но взглядишь в эти вспышки и блески:
Здесь уже побывал Кончаловский,
Трогал кисти и шурил глаза.

Тем сильнее у забора с канавкой
Восхищение наше, с поправкой
На тяжелый музейный букет,
Нависяющий в желтой плетенке
Над столом, и две грозди в сторонке,
И от локтя на скатерти след.
1967 г.

Выполняя целостный анализ произведения А.С. Кушнера, обратите внимание на следующие особенности содержания и художественной формы: наследование или развитие «вечной» темы лирики; метафоричность заглавия, ее раскрытие в композиции произведения; зримость образов, которые дороги лирическому герою; мотив живописи в композиции произведения; выбор тропов и стилистических фигур; звукопись и рифма. Ваша работа должна представлять собой цельный, связный, завершённый текст.

Второй тур

Творческое задание

Второй тур предлагает Вам выполнить творческое задание. Оно потребует от Вас и знаний в области истории литературы, и творческого воображения, и умения создать оригинальный текст.

*Повесть Елены Всеволодовны Перехвальской «Сострадание к Швабрину» (1991 г.) начинается эпизодом спора главной героини с одноклассницами. Прочитайте фрагмент повести и подумайте, какую точку зрения вы поддерживаете? Чьи доводы вам представляются верными, поскольку опираются на текст произведения А.С. Пушкина? **Убедительно** объясните свою позицию. Вы можете представить себя одноклассницей главной героини, или учительницей литературы, или отцом девочки, к которому она обратилась, чтобы «обосновать» свою позицию.*

«Это началось вчера на уроке литературы. Мы сейчас проходим «Капитанскую дочку», и Лену Лонскую вызвали отвечать образ Швабрина. Она начала обыкновенно, а потом вдруг и говорит, что в самом конце книги Швабрин вызывает у читателя жалость, это когда он появляется после пыток совсем седой. И откуда Ленка это взяла? В учебнике так не написано, и нам уроке этого не объясняли. Наверное, она сама придумала. Учительница удивилась и спросила, а как считают другие. И что тут началось! Все заспорили. Одни говорили, что жалеть Швабрина нечего, потому что он предатель, на Гринева доносил, значит, так ему и надо. Другие с ним не соглашались, утверждали, что, когда несчастная любовь, это меняет дело. К тому же Швабрин помогал Пугачеву, который народный герой. Не побоялся перейти на сторону крестьян, значит, он смелый.

Мы оралы весь урок, но к общему выводу так и не пришли. После уроков я шла домой и все ломала голову: так надо ли жалеть Швабрина или нет? Не так просто решить. Я рассуждала так: он, конечно, гад, но делал все от любви. А с другой стороны, Марью Ивановну на хлеб и воду посадил тоже от любви? И вообще, если подумать хорошенько, получаются удивительные вещи – Гринев воевал против Пугачева, а он хороший, положительный; а Швабрин, помогавший Пугачеву, оказывается отрицательным героем. Странно. Все как-то навыворот. Так надо ли жалеть Швабрина? Мне, честно скажу, было его ни капельки не жалко, надо было только подумать почему; как говорит папа - обосновать.

И вот на следующий день, когда мы выстроились у раздевалки, я сказала девчонкам:

- А я знаю, почему не надо жалеть Швабрина.

- Господи, не надоело тебе? – ухмыльнулась Лиза Ковальчук. – Я уже и забыла.

- Ну? - спросили другие.

- Так вот, - начала я. – За все отрицательные поступки человек должен нести наказание. Швабрин наделал много зла и поплатился за это. Мы ведь не жалеем преступников, когда их сажают в тюрьму. И вот Швабрина пытаются, мучают, но это как бы наказание за его поступки. Справедливость восторжествовала.

- Да?! - закричала Танька Крыгина.- Какая же тут справедливость! Его пытали не за Гринева, не за Марью Ивановну, а за то, что он помогал Пугачеву, то есть как раз за хорошее.

Тут и другие девчонки заинтересовались».